

Оглавление

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	81
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	104
Глава 11	121
Глава 12	136
Глава 13	148
Глава 14	152
Глава 15	166
Глава 16	170
Глава 17	182
Глава 18	186
Глава 19	196

Глава 20	212
Глава 21	217
Глава 22	230
Глава 23	239
Глава 24	248
Глава 25	259
Глава 26	271
Глава 27	281
Глава 28	294
Глава 29	305
Глава 30	314
Глава 31	327
Глава 32	340
Глава 33	357
Эпилог.....	372
Благодарности	379
От автора	380

Виктору, моему отцу

*Наши стандарты разрушительны,
поскольку мы делим все на черное
и белое, хотя существовать возможно
лишь в области серого, иначе придется
жить в страхе.
Думаю, монстры никогда не врут.
Они такие, какие есть.*

Гильермо дель Торо

Пролог

Прожорливая материя раззявила пасть и быстро ее захлопнула. Мужчина сделал шаг вперед, и под подошвами его изношенных мокасин захлопала сырая земля. Гигантские желторотые одуванчики доставали ему до пояса.

Ткач хмыкнул, вытер о выглаженные брюки восковую шкурку красного яблока и смачно в него вгрызся. Глядя перед собой, залюбовался открывшимся зрелищем: солнце растянувшимся осьминогом рывками ползло к покосившемуся горизонту.

Стоящая в стороне человекоподобная фигура не шелохнулась. Заговорила:

— Ткач. — Обреченный вздох худощавой твари порывом ветра прокатился по закатному нексусу.

Голос ее то ли заскрипел, то ли запел чрезвычайно низкой нотой.

— Снова без приглашения.

Желтоватые, неровные зубы Ткача снова вонзились в сочную мякоть. Откусив от яблока, он принялся тщательно жевать и отвечать на вопросы не торопился.

В этот момент тварь, потеряв терпение, взглянула в его сторону. Голова ее развернулась на сто семьдесят градусов, смяла тонкую шею гармошкой. Влажные маленькие глаза, словно два медных пятака, жадно разглядывали непрошеного гостя.

— Ткач, — снова заскрежетал голос, — зачем ты пришел?

Ткач бросил остатки фрукта в высокую траву. Вопрос существа был справедливым: они, Ткачи, не имели привычки забредать в чужие карманные вселенные без повода. В этот раз, впрочем, повод был. Тот же, что и во время его прошлого визита.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — спокойно произнес Ткач. — Если бы не твое упрямство, нам бы не пришлось видеться так часто.

Тварь издала звук между рычанием и воем, зачала волосистой головой.

— Мой ответ остается прежним, Ткач: я больше не желаю иметь дел с людьми.

— Умбра, это неразумно: ты знаешь, что бывает, если долгое время не отдавать в Гобелен свою нить. Ты перестанешь существовать, понимаешь? Ты и твой мир.

Тварь задумчиво склонила голову, желто-коричневые глаза продолжали пристально следить за собеседником.

— Смерть, — проскрежетал Умбра. — Люди ведь так зовут это?

— Верно. Но у людей нет выбора. Люди умирают, потому что таков порядок вещей. У тебя же есть выбор, Умбра. И тот выбор, который ты делаешь, кажется мне чрезвычайно глупым.

Тварь забулькала, и только спустя несколько мгновений Ткач осознал, что она смеялась.

Он подождал, пока существо навеселится.

— Глупость — это крайне человеческое понятие тоже, — заметил Умбра, замолчал и отвернул голову. — Ткач, — вскоре снова задрезжал, затрясая, будто встревоженный чайный сервиз, его голос, — думаю, до того, как стать Умброй, я был человеком.

— Невозможно, — отозвался Ткач без тени сомнения.

Тварь запыхтела, шея ее сплелась еще туже.

— Ты такой же, как они, — глупец, — зашипело существо. — Слепец! Ты ведь не понимаешь, как работает этот мир. Ничегошеньки ты не понимаешь, Ткач. А все туда же — стремишься диктовать правила другим.

Ткач нахмурился.

— А кто же, как не я? — озадаченно переспросил он. — Кто, если не Ткачи? Проводники, наставники. Связующее звено, обеспечивающее будущее не только людям, но и вам, тварям, тоже. Проявил бы лучше уважение.

Рванный рот Умбры скривился в праздном отвращении. Он торжественно загоготал и захрюкал.

— Олух ты! И ведь все так, как я и думал. Ох, вот забава! Даже Ткачи не знают, для чего они нужны.

Существо победно забулькало, а потом внезапно притихло. Вдруг опустив когтистый палец к одному из одуванчиков, Умбра срезал цветочную головку кислотно-желтого цвета. Небрежно протянул ее Ткачу.

— Возьми частицу моего мира, частицу меня для новой пряжи. Не думал, что тебе это удастся, но ты меня убедил. Сделаю так, как ты и хотел. Будет тебе очередной контракт.

Ткач принял щедрое подношение, но остался озадачен резкой переменой. Его не покидало ощущение,

что с ним игрались, как с тряпичной куклой. Дергали за ниточки, которых он не видел.

— Почему? — прямо спросил Ткач. — Что изменилось?

Умбра оскалился.

— Смешной ты. — Тварь дружелюбно клацнула зубами. — Много мне лет. Да и Ткачей я повидал немало, но никто из них не смог развлечь меня лучше тебя. Поэтому я решил остаться. Поживу еще. Пригляжу за тобой, всезнающим дураком.

Ткач поморщился. Достав носовой платок из кармана, он бережно завернул в него одуванчиковую головку. Лишившись стебля и питания, она безжизненно раскрыла пасть, оголив мелкие зубки.

— Вряд ли наши пути вскоре снова пересекутся, Умбра, — сказал он.

Больше его здесь ничего не держало.

— Ткач, — существо заскрежетало мелодичнее, чем прежде, — ты придешь ко мне сам. Придешь, когда ты все поймешь. Глупцом ты быть не перестанешь, ибо это — твоя природа. Но ты все поймешь. Я знаю это, даже если ты еще не знаешь этого сам.

Пожав плечами, Ткач развернулся и направился к разрыву на краю нексуса.

Умбра, однако, все не унимался.

— Когда придешь в следующий раз, Ткач, принеси мне то, с чем ты игрался, пока мне докучал, — задорно, явно наслаждаясь собой, скрежетала тварь. — Кажется, люди зовут это яблоком.

Глава 1

*Одна — несчастье, две — отрада,
Три — к венчанию, четыре — к рождению чада,
Пять — благие знамения, шесть — к поцелуям,
Семь — закаятая тайна, что никогда
не выйдет наружу.*

Ирландская народная считалка

Первая сорока появилась во вторник около полудня. Черно-белая птица, нежась в лучах редкого октябрьского солнца, привлекла внимание Нив, когда та шла на работу через площадь Эйр. Обычно женщина не придавала значения суевериям, особенно тем, что предвещали беды и несчастья, но в тот день поторопилась перекреститься и поприветствовать зловещую пернатую традиционным жестом, как учила бабушка.

«Не навредит», — подумала Нив.

Нехорошее предчувствие уже несколько дней стояло у нее поперек горла. В такие моменты любому

начнет казаться, что каждое незначительное событие играет свою противную роль во вселенском заговоре.

Возможно, заговор действительно существовал, потому что иначе невозможно было объяснить роковой звонок из городской больницы поздним вечером в четверг.

— Мисс Ашворт? — неуверенно произнес тонкий женский голос.

Нив озадаченно кивнула самой себе.

— Слушаю. Кто это?

— Университетский госпиталь Голуэя. Вы знакомы с Эмори Линчем, не так ли? Мы нашли ваш номер среди его контактов на случай экстренной ситуации. Так получилось, что...

Разговор продлился не больше минуты. Оборвав звонок, Нив дрожащими руками сняла пальто с вешалки, схватила сумку с документами и выбежала в черную беззвездную ночь, на ходу вызывая такси на адрес госпиталя.

В госпитале Нив провела всю следующую неделю. Семь бесконечных дней, за которые Эмори, ее жених, перешел из критического состояния в кому.

— Несчастный случай, — с сочувствием в голосе подтвердил лечащий врач Эмори, доктор Баллард, столкнувшись с Ашворт у единственного в больнице кофейного аппарата. — Досадная нелепость. Мне жаль.

Из-за несправедливости Нив хотелось кричать и топтать ногами. Вместо этого она молча смотрела в бумажный стаканчик с дымящимся бурым варевом, пока врач не ушел. Все это время бездна робко поглядывала на нее со дна в ответ.

На четвертый из семи дней Нив начала теряться в календарных числах и времени суток. Сон не шел,

как бы отчаянно она ни умоляла и сколько бы слез ни пролила. Даже снотворные пилюли, врученные ей сердобольной медсестрой, не работали. Уделом Нив оставались только лоскуты кошмаров, посланные редкими мгновениями блаженного забытья, — и те рисовали лишь жалкие пародии на ужас, происходящий в жизни Ашворт.

К седьмому дню, убедившись, что лекарственная вонь успела насквозь пропитать ее шерстяной свитер, Нив вышла на улицу и села на ступени перед парадным входом Университетского госпиталя. Руки ей согревало содержимое уже родного бумажного стаканчика.

Смеркалось. Время от времени делая глоток горького кофе, Нив безучастно смотрела на торопливое дорожное движение перед собой. Каждый нормальный человек жаждал быть дома к ужину.

Тушка второй сороки, ставшей жертвой проезжавшего мимо автомобиля, безжизненно лежала на обочине. Нив невольно поежилась, но на этот раз креститься не стала. Вместо этого она с интересом наблюдала за тем, как сородичи павшей птицы, окружив ее обезображенные формы, с важным видом отдавали последние почести члену своей крылатой общины.

Скорбящая сорока — проклятое зрелище-оксюморон для среднестатистического ирландца: многие на острове верили в предания о том, что черно-белая пернатая единственная не горевала, когда распинали Иисуса Христа, — обвинение достаточное, чтобы птичка была не в чести в глубоко католическом обществе.

Перед тем как замерзнуть и вернуться в помещение, Нив привычно пересчитала сорок. В этот раз их было семеро.

Едва переступив порог здания, Ашворт встрети-
лась лицом к лицу с доктором Баллардом.

— Вас-то я и искал, — объявил он с натянутой улыбкой, от которой Нив стало не по себе. — Пройдите в мой кабинет. Нам нужно кое-что обсудить.

По коридорам госпиталя до двери двое шли молча. Когда лечащий врач предложил Ашворт присесть, та отрицательно мотнула головой. Тогда ей казалось, что она была готова к худшему. Доктор Баллард, наученный жизненным опытом, в этом сомневался.

Они разговаривали полчаса. Большую часть времени врач пытался сгладить ситуацию, при этом вынужденно придерживаясь делового тона. Сострадание было важной частью разговоров с родственниками пациентов, но, как успел убедиться доктор Баллард, и того бывало чересчур.

— Вы можете не торопиться, — мягко заявил он, в его взгляде читались твердость и отсутствие сомнений. — Уверяю вас, мисс Ашворт: время есть. Эмори находится в стабильном состоянии. Он будет пребывать в нем до тех пор, пока вы не примете правильное решение.

Нив упрямо поджала губы. Предложение доктора Балларда — констатация смерти мозга Эмори с последующим отключением его от аппаратов жизнеобеспечения — вводило ее в оцепенение.

Ашворт отказывалась верить, что в ее тихой, размеренной жизни подобные события, похожие на пересказ дешевой мыльной оперы, происходили вправду.

Врач тактично коснулся ее плеча в знак ненавязчивой поддержки. Нив подняла на него рассеянный взгляд, и он понимающе улыбнулся.

Ее положению было не позавидовать: у Эмори Линча, согласно документам, не было родных ближе

невесты, на плечи которой Баллард был вынужден взвалить тяжкую ношу.

Тем не менее, по мнению лечащего врача, всем следовало сохранять ясность ума в создавшемся положении.

— Мне сложно представить, как тяжело вам приходится, — с чувством сказал Баллард заученную фразу, которую говорил родственникам всех потенциальных доноров, — но помните, что Эмори все еще может спасти жизни. Чем быстрее госпиталь получит ваше согласие, тем большему количеству людей мы сможем вместе помочь.

Выйдя из кабинета врача, Нив остановилась в паре шагов от двери и оперлась о стену. Сил, позволивших ей держать лицо во время разговора с доктором Баллардом, не осталось. Голова шла кругом, мысли путались.

— Милочка, — обеспокоенно протараторила проходившая мимо медсестра, без промедления подхватив под мышки начавшую оседать на пол женщину. — Разве это дело? Вы не ели, не спали несколько суток. Я присматривала за вами с первого дня. Идемте, я покажу, где вы можете прилечь. Нет? Я не принимаю возражений!

Десять минут спустя Нив, свернувшись калачиком, лежала на небольшом потрепанном диванчике в подсобке. Одна из пружин ощутимо впилась Ашворт ниже ребер, но она не предпринимала попыток исправить положение.

Медсестра по имени Мэри заварила Нив ромашковый чай и отсчитала ровно тридцать пять капель настойки валерианы в покоцанную керамическую кружку. Когда Ашворт безропотно влила в себя препарат, медработница удовлетворенно хмыкнула и достала с полки шерстяной плед.

— Отдыхайте, — заботливо пригрозила Мэри, прежде чем мягким шагом выйти из подсобки. — Вам это нужно. Сон — всему голова!

Поглубже завернувшись в колючий плед, Нив обреченно закрыла глаза.

Дрема набросилась на нее, словно голодный зверь. Однако на этот раз не было привычного калейдоскопа знакомых лиц и ледящих душу сцен, проступающих из дальних уголков подсознания из-за навязчивой бессонницы. Шелковистая тьма окутала Ашворт нежнее дарованного медсестрой пледа.

Спустя мгновение она осознала, что стоит перед широким зеркалом в человеческий рост.

Первое прикосновение было липким, но бережным. Нив опустила взгляд на отражение: две шершавые иссиня-черные паучьи лапы деликатно обнимали ее за плечи. Она открыла рот, чтобы закричать. От растерянности вопль о помощи застрял у нее в горле.

— Не бойся, — прошелестел женоподобный голос. Ашворт дернулась, чтобы бежать, но тварь без труда удержала ее на месте. — Нив.

Услышав собственное имя, женщина замерла. Зажмурившись, сосчитала до десяти. Столь общительные кошмары были ей непривычны.

Набравшись храбрости, Нив подняла взгляд на отражение в зеркале. С его поверхности на нее с любопытством таращились смоляные бусины глаз существа. Все четыре пары. Обсидиановые чешуйки обтягивали выступающие кости. Они складывались в тонкие, изящные черты лица.

Беспросветная темнота отступила на йоту, позволяя бросить взгляд на высокие готические потолки и богатое убранство. Ашворт осознала, что они сто-

яли посреди собора. Бесчисленные метры искусно сотканной паутины покрывали каменные алтари и стеклянные витражи, когда-то горевшие драгоценными самоцветами.

На выступавших со стен горельефах сидели тринадцатый сорок.

Нив чувствовала, что сходит с ума, но решила сыграть по правилам своего воспаленного воображения. Терять ей было нечего.

— Кто ты? — негромко спросила она. Дойдя до конца предложения, ее голос надломился, разрушая хрупкую иллюзию мимолетной отваги.

Существо, демонстрируя неестественно короткую шею, склонило голову. Ядовитые клыки, выступающие из-под бледных губ, оказались недалеко от ушной раковины Ашворт.

— Скажет ли тебе что-либо имя мое? — рассудительно спросила в пустоту тварь. — Люди больше не помнят нас, пришедших на заре цивилизации...

Нив молчала и пыталась подавить дрожь, сковывающую тело.

— Арахна мое имя, — продолжило существо, — дочь Идмона из Колофона, первая прялка, мать пауков. Знаешь ли ты обо мне, Нив?

Ашворт, помедлив, ответила с предельной честностью:

— Нет.

Арахна не обиделась.

— Узнаешь, — пообещала она, — ибо пришла я, чтобы исполнить твоё заветное желание.

Сердцебиение Нив участилось.

— В чем подвох? — спросила Ашворт.

Тонкие губы Арахны сложились в чудовищное подобие улыбки.